

С закованными в наручники руками и поддерживаемый с обеих сторон полицейскими, Бай Цзиньинь выглядел спокойно. Проходя мимо Цинь Суна, он даже успел улыбнуться, обнажив восемь зубов, и дружелюбно поздороваться.

Как и в эту ночь, полную неожиданностей и потрясений, двое новых людей выступили вперед.

Яо Бо спрыгнул со сцены:

— Я был с Бай Цзиньинем все это время и могу подтвердить, что у него абсолютно не было возможности убить. Разве это правильно — хватать человека без разбора?

Другой человек оказался неожиданностью — Гу Чаоси, самая весомая фигура на месте.

Его голос звучал ясно:

— Если вы арестовываете его только из-за произошедшего, то, господин офицер, это безответственно. Вы разрушаете только начавшуюся карьеру певца. Надеюсь, у вас есть убедительная причина.

Гу Чаоси был известен каждому, даже тем, кто не интересовался шоу-бизнесом. После И Хуэя он стал одним из самых влиятельных королей песни, с безупречной репутацией.

Благотворительный фонд, названный его именем, построил сотни школ в бедных районах страны, и он был неоднократно отмечен государственными СМИ. Кроме того, он был одним из депутатов Всекитайского собрания народных представителей.

Средних лет офицер на мгновение задумался, взвешивая слова певца, чье положение позволяло ему сидеть на равных с мэром города. Через мгновение он медленно повернулся и сказал:

— Хорошо, пятнадцать минут. Если адвокат не появится через пятнадцать минут, пожалуйста, больше не мешайте нам выполнять свои обязанности.

Цинь Сун кивнул, бросив взгляд на Цинь Хуа, сидевшего на VIP-местах, и уверенно направился к служебному проходу за сценой.

В коридоре было пусто. Появившиеся из ниоткуда спецназовцы создали напряженную атмосферу в зале, и почти все замерли на своих местах, боясь пошевелиться.

Почти одновременно с ним примчался Цинь Хуа, заместитель генерального директора корпорации Цинь, которого режиссер встречал с улыбкой, а многие готовы были чуть ли не мыть ему ноги, как родному отцу. Он подошел с улыбкой, сияющей, как весенний ветер:

— Я думал, что это мне показалось, но это действительно ты...

— Позвони своему дядюшке и скажи, что я прошу его о помощи, — Цинь Сун прервал его, и слово «прошу» вырвалось сквозь зубы, тяжелое, как будто он вытащил из груди два увесистых камня.

Цинь Хуа на мгновение замер:

— Твой дядюшка — это ведь твой отец? Почему бы тебе самому не позвонить?

Цинь Сун ответил с уверенностью:

— У меня нет его номера телефона.

Цинь Хуа хотел что-то сказать, но в итоге достал телефон и, набирая номер, согнулся, как рак на пару:

— Алло, дядюшка, то есть господин Цинь, это Сяо Хуа... Да, я на месте. Цинь Сун просит вас о помощи... А, вы хотите, чтобы он сам поговорил? Хорошо, подождите... Алло, дядюшка, Цинь Сун уже ушел...

В зале царил тишина, все наблюдали за развитием событий.

Не прошло и нескольких минут, как двое офицеров поспешно подошли и что-то шепнули на ухо среднему по возрасту офицеру.

Специальная оперативная группа разделилась на три части: одна направилась в зал, чтобы взять под контроль Бай Цзиньиня, другая занялась осмотром места происшествия и изучением тела, а третья срочно запросила записи с камер и искала дополнительные свидетельства.

Сообщения, принесенные этими двумя группами, заставили лицо среднего по возрасту офицера измениться, как будто его обработали в фоторедакторе, то увеличивая, то уменьшая, то превращая в человека, то в призрака.

В конце концов его лицо стало холодным, как лед, и он пристально посмотрел на Бай Цзиньиня.

Бай Цзиньинь в это время вел односторонний дружеский разговор с полицейскими, которые держали его за руки, чтобы он не сбежал:

— Можно я позвоню маме?

Полицейский покачал головой.

— Тогда можно я отправлю ей сообщение? — спросил Бай Цзиньинь.

Полицейский промолчал.

— Может, вы позвоните моей маме?

Полицейский снова покачал головой.

— Тогда отправьте ей сообщение?

Полицейский продолжал молчать.

Бай Цзиньинь повернулся к другому полицейскому:

— Скажите, можно я позвоню маме?

Другой полицейский отвернулся, показав ему затылок.

Бай Цзиньинь, не сдаваясь, продолжил искать следующего полицейского и случайно встретился взглядом со средним по возрасту офицером.

В этот момент у офицера зазвонил телефон. Увидев номер, он снова изменился в лице, быстро

отошел в угол и через несколько минут вернулся с задумчивым видом, посмотрев на Цинь Суна. Затем он подошел к Бай Цзиньиню и — снял наручники.

После этого он подошел к Цинь Суну:

— Господин Цинь, это дело касается убийства, и Бай Цзиньинь должен поехать с нами, но это может быть после окончания соревнования.

— Завтра в девять утра, — сказал Цинь Сун с искренним выражением лица, понизив голос, словно намекая на что-то. — Я лично поручусь за него и привезу его.

Средний по возрасту офицер пристально посмотрел на Цинь Суна, затем повернулся к одному из сообщивших новости полицейских и что-то спросил шепотом. Потом кивнул Цинь Суну:

— Хорошо, завтра в девять утра. Но, господин Цинь, если что-то случится, вы должны понимать, насколько серьезными будут последствия.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и вышел из зала в сопровождении группы спецназовцев.

А в это время в женском туалете, где произошло убийство, царило оживление.

Дань-Дань, только что продемонстрировавший, что значит «птичка улетела», подпрыгивал:

— Вот, показали, как птичка улетает, теперь идите ловить убийцу... Почему в женском туалете? Потому что убийца — женщина, она улыбнулась, и я, как дурак, последовал за ней... Это женщина средних лет, лет пятидесяти.

Средний по возрасту офицер, прибыв на место, не сразу пошел смотреть на чудесным образом воскресшего Дань-Даня, а направился в кладовку на другом этаже, где хранились уборочные принадлежности.

Там лежал окровавленный, полностью содранный с кожи труп женщины.

Судмедэксперт установил, что смерть наступила более десяти часов назад, до начала программы. Более того, кто-то опознал тело — это была уборщица, ответственная за этот этаж, внешность которой полностью совпадала с описанием убийцы, данным Дань-Данем.

Записи с камер позже подтвердили это: Дань-Дань действительно встретился с этой уборщицей у входа в туалет.

То есть эта женщина, умершая более десяти часов назад, за час до этого убила Дань-Даня. Или кто-то, надев ее кожу, притворился ею.

Одна волна не успела улечься, как поднялась другая.

После ухода полиции зал снова ожил.

Цинь Сун, не прощаясь ни с кем, без лишних слов схватил Бай Цзиньиня и повел его к выходу. У дверей они услышали пронзительный крик:

— Господин Цинь, подождите!

Это был режиссер Взлетающая Обезьяна.

Он посмотрел на них с глубоким чувством и спросил:

— Вы придете на следующий тур соревнования? Если нет, мне нужно заранее подготовиться.

Цинь Сун, держа Бай Цзиньиня за руку, ответил:

— Придем. Мы оба придем.

Взлетающая Обезьяна смотрел на их уходящие спины, думая о непредсказуемом следующем туре, и горько улыбнулся.

Только сев в машину, Цинь Сун наконец вздохнул с облегчением, включил передачу, нажал на газ и устремился прочь от этого места, полного неприятностей.

Ночь была в самом разгаре, городской шум стих, высокие здания и оранжевые уличные фонари мелькали за окном, сменяя друг друга, как вчерашние события, будь то радость или печаль, которые с рассветом станут прошлым.

Цинь Сун почувствовал облегчение, но сам Бай Цзиньинь, казалось, совсем не боялся, с любопытством оглядываясь вокруг:

— Кажется, здесь что-то изменилось, появилось много нового.

Машина Цинь Суна, как и он сам, была строгой и чистой. Раньше в салоне, кроме пепельницы, почти ничего не было, но теперь все было заставлено различными подвесками и фигурками, как будто это была лавка сувениров на туристическом объекте.

На передней панели прямо посередине висел Гуань Юй с косым мечом Цинлун Яньюэдао, с развевающейся бородой и красным лицом. Слева — бодхисаттва Гуаньинь с милосердной улыбкой, сидящая на лотосе с белой нефритовой бутылкой в руках. А справа — Чжун Куй, попирающий маленьких бесов, грозный враг всех злых духов.

Бай Цзиньинь с любопытством потрогал висящую рядом с ним на окне фигурку полной богини и обнаружил на ней маленькую черную надпись: «Богиня Деторождения, исполняющая желания».

Это было одно из решений, которые Цинь Сун нашел в интернете: возможно, человек, переродившийся после смерти, увидев изображения богов, сможет вспомнить прошлое. Он не особо разбирался в этом, поэтому просто купил по одному изображению каждого божества.

Увидев, что Бай Цзиньинь задумчиво смотрит на белую и пухлую фигурку неизвестной богини, Цинь Сун почувствовал прилив тепла, решив, что это сработало, и с надеждой спросил:

— Ну как? Что-то почувствовал?

Социальные навыки Бай Цзиньиня пока что были на начальном уровне, и как только разговор заходил чуть глубже, он терялся, за исключением Яо Бо — они оба любили музыку.